

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-613-627

**ССОРА КАК «МОДЕЛЬ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ
В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*****РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Кушкова А.Н. КРЕСТЬЯНСКАЯ ССОРА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА
XX ВЕКА. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2016. 318 с.**

«...Наша жизнь представляет собой паутину связей: с родственниками, коллегами, компаньонами, друзьями, начальниками, подчиненными. Мы хоть и мизантропы, не можем жить друг без друга».

М. Ридли

В последние годы в российской научной и публицистической литературе появилось немало работ о «менталитете»: как правило, за этим неоднозначным понятием (одни исследователи его категорически отвергают как пустое и идеологизированное, другие, наоборот, считают обобщающей характеристикой «духа народа», обуславливающего невероятное число особенностей прошлого и настоящего) скрывается попытка объяснить множество сложных событий действительности наличием некоего свода «законов», воздействие которых на социальные практики этнического (или иного) сообщества столь же сильно, как генетическая детерминированность множества индивидуальных черт. Подвергать критике или сомнениям понятие менталитета и возводимые на его основе концептуальные построения вряд ли имеет смысл — более оправданным для социологического изучения повседневности представляется использование иной аналитической «оптики»: историческая и социокультурная реконструкция повседневности в различные исторические периоды и в разной тематической фокусировке. Работа А.Н. Кушковой «Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности» — прекрасный пример подобного подхода: автор исследует российскую крестьянскую культуру второй половины XIX — начала XX века, рассматривая социальные отношения в крестьянском быту на примере деревенской ссоры и опираясь на огромный массив этнографических материалов, в том числе на малоизвестные тексты из архивов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (его деятельность внесла важный вклад в становление качественного подхода в российской социологии) и периодической печати.

* © Троцук И.В., 2017.

Книга включает в себя, помимо обязательных формальных разделов (введения и заключения), шесть глав и приложение, в котором представлены реальные документы (оригинальные тексты) информантов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева из собрания Российского этнографического музея. С первых же страниц читатель понимает, что держит в руках работу ответственного, скрупулезного и талантливого исследователя, которому увлеченность своей темой не мешает придерживаться систематического и категориально выверенного изложения материала.

Предваряя основное содержание книги, автор предлагает свою трактовку ссоры — это «особый тип взаимодействия людей в условиях повседневности», конфликтное «столкновение онтологически и/или ситуационно противопоставленных принципов, которое выражается в тех или иных формах в зависимости от контекста» (с. 7), сразу оговаривая, какие виды социального взаимодействия остались за рамками рассмотрения (деревенские драки, кулачные бои, словесные поединки, свадебные перепалки и прочие проявления ритуальных противостояний), что «ссора отделяется от многочисленных сопровождающих ее конфликтных практик и (полу-)криминальных видов взаимодействия, которые часто включены в сценарий конфликтной ситуации (драки, побои, сквернословие, пьянство, воровство, убийства, поджоги, различные формы бытовой мести и пр.)» (с. 8), что в работе не анализируются ссоры мифологических персонажей в разных фольклорных жанрах, но представлены лингвистические модели концептуализации ссоры (четкие границы своего предметного поля автор продолжает выстраивать на протяжении всей книги, например, уточняя в третьей главе, что не рассматривает отношения между деревнями, потому что они лишь условно подходят под категорию ссоры, а в четвертой главе — что традиция осмысления ссоры как одного из видов греха слишком обширна, чтобы и ее рассмотреть в книге). Цель автора — «предложить процессуальную модель описания повседневной деревенской ссоры» за рамками характерного для отечественной науки нормативного подхода, основанного на понятии институциональных структур/правил и трактовке ссоры «как девиации, аномалии, вряд ли способной претендовать на статус самостоятельной научной проблемы» (с. 9).

Ссора выступает в книге как «социальная практика, не только отражающая структурно-институциональную основу социума, в котором она происходит, но и являющаяся одним из механизмов ее изменения» (с. 10). Автора интересует, как специфика крестьянской культуры обуславливала появление и поддерживала функционирование различных практик регулирования конфликтов, которые в совокупности составляли обыденное право, т.е. сферу неправового или квазиправового (неформального) взаимодействия. В книге решаются три основные задачи: показана роль ссоры в функционировании таких крестьянских институтов, как семья и община; обозначены возможности анализа ссоры как «текста» (конвенции построения, ведения и связи с коллективными представлениями); рассмотрена система деревенского примирения (ее институциональные, правовые и неформальные аспекты). Автор привлекает обширный этнографический материал, обозначая его географические границы (центральные и северо-западные губернии России, частично украинские и белорусские кейсы), хронологические рамки — обусловлен-

ные наличием систематического этнографического материала (с реформы 1861 года и усиления модернизационных процессов в начале XX века) и «стратификационные» ограничения (не учитывается конфессиональная, профессиональная и этнокультурная дифференциация сельского населения). В методологическом плане автор также предельно честен: оговаривает и свою принципиальную ориентацию на многоуровневый анализ (ссора рассматривается и на уровне крестьянского семейного быта, и на общедеревенском уровне, внутри каждого из «измерений» выстраиваются «типологии», скажем, типы крестьянских семейных разделов в зависимости от степени их конфликтности, типы соседских ссор с учетом их зависимости от структуры публичного деревенского пространства и т.д.), и неизбежные ограничения любой аналитической оптики, в том числе его собственной: «для современных исследователей крестьянское сообщество XIX века [признаемся честно, и нынешние сельские сообщества], несомненно, является конструктом, и связано это не только с доступностью тех или иных текстовых и материальных свидетельств о нем, но и с тем, что сами ученые хотят увидеть в этих свидетельствах» (с. 15).

В первой главе «Крестьянская ссора: историко-этнографическая перспектива» автор «формирует проблемное поле как таковое, показывая значимость ссоры как вида социального взаимодействия для других, признанных в научном дискурсе проблем» (с. 19). Определенное игнорирование ссоры отечественной традицией автор объясняет двумя причинами: во-первых, повседневность, особенно исторически дистанцированная, всегда уступала приоритет более значимым или событийным аспектам культуры, поэтому как отдельная область концептуально оформилась недавно, во второй половине XX века; во-вторых, в восприятии ссоры в общекультурном и научном смысле долгое время доминировала ее трактовка как патологии, отклонения или нарушения нормативных моделей социального взаимодействия: «ссора не имела права на существование» (с. 20) или дискредитировалась, как прочие «нестроения» сельской жизни, посредством преувеличения ее негативных последствий (с. 21).

Третья проблема, связанная с исследованием крестьянской повседневности, состояла в том, что «авторами абсолютного большинства имеющихся в нашем распоряжении текстов о крестьянах были в основном представители других сословий — дворянства, мещанства, духовенства. Свидетельств, оставленных самими крестьянами, чрезвычайно мало. ...Тексты, написанные некрестьянами, в той или иной мере эксплицируют смыслы, внешние по отношению к крестьянской культуре» (с. 23). Однако «образованная публика часто была уверена в доступности крестьянского быта для наблюдения и осмысления извне: „Вся беда заключается в том, что всякий «народолюбец» считает себя чуть ли не полным и всесторонним «народоведом“». Несостоятельность подобной позиции проявляется по меньшей мере в отношении особенностей поля исследования вообще (т.е. специфики общения с крестьянами) и в том, что касается характера ссоры как культурно закрытого типа взаимодействия. Культурная дистанция между крестьянами и теми, кто их изучал, вряд ли могла обеспечивать адекватную коммуникацию; ...многие собиратели оставались в неведении относительно того, насколько могла быть далека от реальности та картина, которую им рисовали крестьяне... Ссора представляет

собой взаимодействие, в отношении которого существовал и существует имплицитный запрет на пересказ внешнему наблюдателю („Не выноси сор...“)» (с. 24—25).

В первой главе автор характеризует несколько групп «текстов различного происхождения, жанровой принадлежности и прагматики», которые затрагивают разные аспекты крестьянской ссоры и потому легли в основу исследования: этнографические описания главного ритуала жизненного цикла — свадьбы, но не столько самого свадебного ритуала, сколько мотивов брачного выбора невесты (в частности, от величины семьи жениха зависели внутрисемейные конфликты); заметки в периодической печати — событийного типа с минимальным контекстом, которые иллюстрируют подробные описания из других источников; литература о крестьянских разделах (статистические источники, материалы правительственных комиссий, изучавших принципы народного судопроизводства и пр.), включая «чиновничью этнографию» — «как правило, очерки волостного судопроизводства, описания отношений крестьян между собой и восприятия ими власти и закона, крестьянских представлений о суде и справедливости» (с. 35); обширная литература по обычному праву, «правовой области народной культуры, отличной от формального кодифицированного права» (с. 37); «небольшая группа текстов, которую можно назвать художественной этнографией — авторские произведения (очерки, заметки, повести) о жизни деревни конца XIX — начала XX века, представляющие беллетризованную форму этнографического описания» (с. 42); церковно-популярные поучения и толкования, поддерживавшие стереотипные представления о крестьянах и отличающиеся «общей нравоучительной топикой»; «языковые данные — примеры из словарей В.И. Даля и словаря русских народных говоров» (например, подтверждающие, что «поедание», «пожирание» — одни из наиболее распространенных метафор ссоры, скажем, «невестка заедает лишний хлеб, не свой кусок»).

Автор сочетает «прескриптивные и дескриптивные источники»: в первом случае имеются в виду разнообразные официальные документы, регулирующие социальные отношения в деревне; во втором — архивные материалы, в первую очередь князя В.Н. Тенишева, который «впервые выделил повседневную ссору в самостоятельную исследовательскую категорию, поместив в анкете бюро две группы вопросов: „Ссоры и драки между крестьянами“ и „Ссоры в домашнем быту“» (с. 41) (цитируется более 70 дел тенишевского архива). Кроме того, автору «очень близок тезис о том, что „вербальные констелляции“ и „перечни слов, употребляемые в ту или иную эпоху“, помогают выявить „главные сочетания коллективного сознания“ как эпохи в целом, так и какой-либо социальной группы людей, живших в эту эпоху... Языковые данные помогают лучше понять различные ссоры как способ взаимодействия, особенно в случаях очевидной эксплицированности внутренней формы обозначающих ее слов и метафор» (с. 50). Поэтому в книге представлены большие оригинальные цитаты, позволяющие увидеть лексические средства крестьянской ссоры.

Вторая глава «Семейная ссора в жизненном цикле крестьянской семьи: структура и взаимодействие» — наиболее методологически фундирована, в ней автор обосновывает свой подход к изучению ссоры: посредством анализа «базовой

структуры социальных отношений в деревне, выделив области повышенной конфликтности и попытавшись дать объяснение не столько поводов, сколько глубинных причин ссор, т.е. задача — сопоставление структурного и поведенческого уровней взаимодействия, в первую очередь с точки зрения того, какое влияние оказывала динамика структурных процессов крестьянского социума на происходящие в нем конфликты» (с. 53). Сначала автор рассматривает семью и семейные ссоры (сфера частного и закрытого), затем переходит к соседскому, или общедеревенскому, пространству, в обоих случаях работая с оппозициями «частное—публичное», или «закрытое—открытое». Событием, которое смыкает два «пространства», выступает ритуал середины жизненного цикла — свадьба, сопровождаемая приходом в дом невестки: «в послесвадебный период, когда проходило становление молодых в новом качестве, они находились под особым вниманием со стороны деревенского социума... „Первый год — да с перьем в рот. Если в первый год супружества молодая чета заслуживает худую молву“, что было не так уж сложно, поскольку «жизнь в больших крестьянских семьях бывает часто истинным адом... особенно бабы едма едят друг дружку» (с. 59).

Хотя автор отмечает наличие устойчивого стереотипа, связывающего женщину и ссору, речь идет о том, что «пространство крестьянской семьи... было иерархичным, строилось по принципу строгого подчинения... В рамках такой достаточно жестко заданной структуры конфликт возникает тогда, когда статусы участников взаимодействия либо не до конца им ясны, либо когда кто-нибудь из них сознательно выходит за рамки приписанного ему/ей статуса... Схватки за обладание властью в семье могли происходить только в том случае, если статусы их участников были сопоставимы друг с другом и если каждый из них потенциально мог претендовать на более высокий статус (...ссоры за обладание определенным набором преимуществ в домашнем хозяйстве велись в основном либо между снохами, либо между братьями)» (с. 63—64). Главной опасностью семейных ссор была их «тенденция развиваться по типу цепной реакции: начавшись как ссора между снохой и свекровью или несколько снохами, они постепенно превращались в ссоры общесемейные... “дело обыкновенно кончается дракой всеобщей, т.е. дерутся и женщины, и мужья, и их дети”» (с. 62). Иными словами, одна из важнейших функций ссоры — «экспликация несоответствия поведенческого и статусного, т.е. она выступает как метапроцедура по отношению к структуре отношений и взаимодействия группы людей, статусы которых взаимно определены» (с. 64). В частности, многочисленными были ссоры относительно имущества, поскольку наследование и семейные разделы были целиком отданы в раздел обычного права (в общеимперском законе в конце XIX века не существовало категории семейной собственности): «семья обладала общими материальными ресурсами, у каждого из ее членов были определенные права на их использование, но несогласие членов семьи, кто на сколько может претендовать в соответствии со своим статусом и семейным положением, а также представления каждого о своем статусе и положении (например, наиболее частой причиной ссор между женщинами было именно то, кто должен делать ту или иную общую семейную работу или работать „не в очередь“) порождали многочисленные семейные ссоры» (с. 67).

Безусловно, речь не идет о гиперконфликтности крестьянской семьи как таковой — ссоры чаще всего происходили из-за бедности, «материальной скудости, необеспеченности, заставляющей крестьян считаться между собой всякою безделицей, всяким куском и грошом» (с. 75): «хлебушка хватать не стало, перемолвочка стала». «Суть упреков сводится к тому, что каждый из участников той или иной ситуации превысил причитающуюся ему долю, прихватил себе из общей доли семьи. Чем меньше эта доля, чем беднее семья, тем сложнее произвести такое распределение, чтобы удовлетворить всех... Впрочем, ...ссорятся и там, где „денег курсы не клюют“, и где „с жиру бесятся“: ...в таких случаях также возникают проблемы с распределением доли, причем, в принципе, такого же характера» (с. 76).

Особым видом ссор были супружеские конфликты — от «прочки» до развода (расхода), среди которых наиболее значимыми автор считает следующие ситуации: мужья выгоняли жен из дома (необязательно в связи с конфликтом, причины могли быть чисто экономическими — «чтобы не кормить зимою», но «возвратить по весне»); мужья сами уходили из дома, бросая жену (чаще всего в местностях, где был развит отходный промысел); нетрадиционные и нередко курьезные модели разлучения супругов («продажа», «промена», «заклад», «уступка на время»); побег из дома (распространенный женский сценарий); развод (в крестьянской терминологии «расход» — временный или постоянный). Автор подчеркивает, что строго разграничить эти ситуации вряд ли возможно и предлагаемая дифференциация достаточно слаба, однако наиболее значимыми из них являлись побег жены из дома (как правило, семейный конфликт) и развод/расход (причиной обычно была именно ссора мужа и жены).

Ярко-образным и высоко-эксплицитным примером временного удаления члена семьи «от семейно-житейских невзгод» до окончания конфликта была прочка (также называлась и жена, которая сбежала из дома мужа к родственникам или соседям): «прочка была одним из видов „выноса ссора из избы“, в результате чего соседи становились не только свидетелями конфликта, но и нередко непосредственными участниками... В результате подобной экстериоризации ссора, как правило, не прекращалась, но, наоборот, продолжала развиваться дальше, ... „домашний“ цикл ссоры переходил в более публичный, „соседский“» (с. 83). Временный характер прочки определялся тем, что паспорт жена могла получить только с согласия мужа, он также мог удерживать у себя покормежный билет, по которому женщина могла временно работать на фабрике. Инструментов воздействия на мужа у жены не было, потому что «вопрос о том, мог ли кто-либо из членов семьи разрешить или запретить другому ходить куда-либо, не подлежал регулированию со стороны официального закона, но целиком находился в области традиционных норм обычного права» (с. 85).

Полный цикл прочки включал в себя уход и возвращение в семью и по другим причинам: во-первых, «структура крестьянского хозяйствования предполагала совместное участие как мужчин, так и женщин, и прочка... ставила под угрозу экономическое благосостояние, да и само выживание крестьянского двора» (с. 86); во-вторых, за мужем признавалось право требовать ушедшую жену обратно принудительно, по суду, который тем самым якобы восстанавливал нарушенную справедливость (виноватую возвращали в дом мужа); в-третьих, считалось, что убе-

жавшая из дома женщина рано или поздно начинает вести безнравственную жизнь (немаловажным был и аргумент о неприкосновенности освященного церковью брачного союза); в-четвертых, родителей убежавшей жены могли подвергнуть наказанию, от внушения до штрафа и даже розог (но если семья жены имела высокий статус, то она жила в родительском доме желанной гостьей, пока муж-обидчик не забирал ее лично «с повинною»).

Что касается крестьянского расхода, то он отличался от прочки: в случае временного побега жены из дома в суд обычно обращался муж, в ситуации расхода заявление о раздельном жительстве подавала, как правило, жена (развод «крестьяне в шутку называли „бабским учреждением“» — с. 97); расход был изначально менее конфликтной практикой, нередко были добровольные расходы «по согласу» или «по договору», без супружеских или семейных ссор. В конце XVII — начале XVIII века насчитывалось до 26 законных поводов для развода, но к концу XVIII века их число сократилось: доказанное прелюбодеяние, неспособность жить в браке, ссылка в Сибирь с лишением прав, более чем пятилетнее отсутствие без вести, уход в монастырь, близкое родство, т.е. супружеские ссоры вескими причинами для развода не считались. Однако в действительности, судя по этнографическим материалам, «двумя главными причинами развода были именно супружеские несогласия и проблемы в сфере половых отношений — „неспособность“ мужа и „развратное поведение“ жены, и последняя причина даже преобладала над первой». Часто расход мотивировался тем, что «супруги не сошлись характерами ...т.е. для крестьян... становится важна психологическая сторона брака, а следовательно происходит изменение всего комплекса гендерных отношений в деревне» (с. 101).

Сложное отношение крестьян к разводу объяснялось и тем, что его главным следствием, неизбежно провоцировавшим конфликты, было внебрачное сожителство (чаще право завести себе нового брачного партнера признавалось за мужчиной, а разведенная женщина нередко оставалась под контролем бывшего мужа), тогда как «со стороны крестьянского мира даже отношение к официальному браку, если он происходил повторно, было скорее негативным», но при этом общество снисходительно относилось к тем, чья жизнь прежде проходила в постоянных ссорах (с. 103).

К разводу как «средству поправить зло» (семейные раздоры) прибегали только в крайнем случае (когда драки, ссоры и взаимное «пиление» тянулось много лет), домашнее событие расхода выносилось на суд однодеревенцев (суд стариков) и иных инстанций обычного права, поскольку процедура официального развода была сопряжена со значительными финансовыми затратами, и подобные инстанции действовали в пользу примирения, а даже, разрешая развод, могли признать, что он не имеет официального статуса. Автор приходит к выводу, что крестьянам «был свойственен взгляд на брак не только и не столько как на таинство, сколько как на частный вид гражданского договора». Ссора выступала как одна из причин развода, однако «крестьянский развод представлял собой лишь одну из возможных моделей супружеского разделения, включавшего и другие, иногда достаточно неожиданные, практики расхода, а все вместе они составляли оппозицию разводу официальному, часто вообще неизвестному крестьянам» (с. 107).

Остальная часть второй главы посвящена описанию семейных разделов крестьян (с распределением имущества), которые объяснялись не только экономическими факторами (неравное распределение труда и материальных благ), но и ссорами внутри многопоколенческой семьи, хотя семейные разделы могли происходить и без ссор (например, когда старики хотели при жизни устроить своих детей или отец/большак мирно делил имущество между сыновьями), т.е. делиться крестьянские семьи могли «по ссоре и по сугласу / по любкам». Автор выделяет следующие типы разделов, отмечая роль семейной ссоры в каждом из них: отдел/выдел неженатого сына («самый конфликтный тип раздела, часто сопровождающийся ссорой отца и сына и нередко приводящий к длительной вражде разделившихся» — с. 114, поэтому семейная доля недостойного могла быть незначительной, что воспринималось крестьянским миром более спокойно, чем лишение наследства и родительское проклятие); отделение молодой семьи после свадьбы сына по самым разным причинам («как поженятся, сейчас ругаться, ну и делиться»), неповиновение молодых старшим и стремление к своеволию, снохачество молодой невестки и отца мужа); раздел братьев в семьях, где было несколько женатых сыновей (дольщиков), как правило, вследствие неравномерного наделения и/или несправедливого распределения работ между представителями нескольких семей («крестьяне ревностно следили за тем, чтобы вклад членов семей живущих вместе братьев в производство необходимых для общей семьи продуктов был равным, в противном случае начинались ссоры, которые могли кончаться разделом», особенно если члены большой семьи выполняли разные виды работ или в семьях братьев было разное количество работников — с. 124), хотя «на поверхности» в качестве причин крестьяне предпочитали называть «тесноту» жилища и «бабьи споры» (главными виновницами разделов считались женщины — либо невестки и свекровь, либо живущие под одной крышей невестки).

Завершая вторую главу, автор подчеркивает неоднозначность восприятия крестьянских разделов как их участниками, так и внешними наблюдателями: вторые видели в них и угрозу благосостоянию государства (измельчение и обеднение крестьянских хозяйств), и признак нравственного освобождения крестьянства (посредством распада большой семьи на естественные малые группы); крестьяне видели в разделах и «меру к устранению семейных ссор и недоразумений», и наступление худших времен (отход от традиций и веры, порчу нравов). Несомненно то, что «в результате разделов разрушалась структура большой крестьянской семьи, и из нее образовывалось несколько самостоятельных хозяйств. И хотя родственная связь между разделившимися, естественно, не прерывалась, их экономическая независимость делала их во многом схожими просто с соседями, подобно всем остальным жителям деревни» (с. 136—137).

Последующие четыре главы книги расширяют контекстуальные рамки рассмотрения крестьянской ссоры, показывая, как логика ее протекания определялась структурой деревенского пространства, особенностями конфликтной коммуникации в крестьянском мире, гендерными отношениями и традиционными для деревни способами примирения. Так, в третьей главе «Соседская ссора и структура деревенского пространства» автор расширяет понятие соседства до однодеревенцев, т.е. трактует деревню как семью — это «закрытая структура [статусов], взаи-

модействие в которой определяется положением, которое занимает каждый из участников... Соседство включало различные взаимоотношения и в каждом случае предполагало выбор той или иной стратегии поведения, обусловленной статусными, этическими, религиозными и другими нормами. Эта обусловленность проявлялась в отношении ссор как одного из типов соседских отношений и выражалась в представлениях о ее приемлемости или разрешенности, а также сказывалась на длительности ссоры, типах репрезентации конфликтного поведения и способе примирения» (с. 141—142).

Безусловно, ближайшее соседство было более важным, чем остальное деревенское сообщество в силу высокой осведомленности о быте друг друга и связанности взаимными обязательствами, поэтому ссоры с ближайшими соседями (как расширенной семьей) «имели свои особенности в той степени, в какой зависели как от величины информации, которой обладали эти люди друг о друге, включая детали, которые (пока) не известны остальным жителям деревни, так и от степени их зависимости друг от друга в повседневном быту, включая использование общих пространственных ресурсов. С одной стороны, ...в силу интенсивности происходящего обмена структура ближайшего соседства должна быть достаточно резистентной по отношению к возникающим в ней „помехам“, однако, с другой, более детальное знание различных сторон быта друг друга создает дополнительный ресурс для взаимных обвинений и „припоминания“ неблагоприятных подробностей... Иными словами, помимо определенных выгод и преимуществ, пространственная близость сама по себе могла потенциально создавать повышенную конфликтность» (с. 144—145). Вот почему соседские столкновения обычно сводились к мелочным, «патологическим» формам воровства («показалось утром бабе, что, кажись, за ночь дров из поленицы убыло, и она начинает ругать ближайшую соседку ...та, услышав ругань, бросает даже самое неотложное в избе и бежит на улицу, чтобы отчитать соседку за напраслину» — с. 146), нарушению механизма одалживания (невозвращение долга, возвращение не в срок и т.д.), «куриным ссорам» и «козьим потравам». Соседские ссоры очень семиотичны вследствие «несоразмерности объективной, или „вещной“, значимости того, из-за чего они происходят, с теми последствиями, которые при этом возникают», потому что «не дорога лодыга (вещь, предмет), дорога обида: чем мельче реально нанесенный ущерб и чем больший сыр-бор из-за него разгорается, тем сильнее проявляется знаковая, символическая составляющая конфликта» (с. 151). Ситуацию спасала интенсивность соседского обмена, в том числе инвективного, которая требовала скорейшего прекращения ссоры, поэтому нередко после быстрого обмена ругательствами ссора исчерпывалась сама собой, т.е. была максимально «сжатой» и максимально «симметричной» (с. 147).

В третьей главе автор переходит к рассмотрению отношений соседства в целом, чтобы выделить наиболее характерные виды деревенских ссор и наиболее традиционные способы их разрешения и предотвращения в будущем. В качестве регулярных мотивов конфликтов в деревне выступают: очередной передел/раздел мирской земли, или «нарезание земли», необходимость которого диктовалась увеличением числа душ в одних семействах и сокращением в других («когда иному покажется, что его заделили или отвели участок с плохой травой»); плохое со-

держание изгородей, порождающее сомнения в добросовестности отношения к земле; неаккуратность записи «очердей» несения общественных повинностей (нарушался принцип «на всех поравённо»); подозрения сообщества, что отклонения от средней нормы обеспеченности и благополучия крестьянской семьи объясняются вмешательством магических сил (отсюда стремление к уравнительности, по крайней мере, внешней).

Что касается инструментов «регулирования конфликтных отношений в крестьянском социуме — предотвращения возможных ссор в будущем (по преимуществу) и/или прекращения уже начавшихся ссор», то здесь обычно использовались структуры искусственного родства, хотя их задачей было скорее установление взаимоотношений нового типа, чем управление конфликтным взаимодействием. В качестве основных моделей искусственного родства в книге рассмотрены: кумление (в обрядовых текстах подчеркивается запрет на ссору между покумившимися, кумы становились посредниками в ссорах); побратимство (существовало даже «вынужденное» побратимство как инструмент примирения конфликта, который грозил выйти из-под контроля сообщества); более регулярный, чем первые два типа символического родства (кумовство могло быть временным, а побратимство пробным), институт крестных родителей (конфликты между воспитанником и воспитанницей, между ними и родителями ребенка или с крестником считались нарушением культурной нормы, этических и религиозных предписаний); белорусская сядрина (обычай территориального родства между соседями-однодеревенцами). «Общая логика функционирования всех этих институтов состояла в установлении иной дистанции (более близкой) и иного ритма (более интенсивного) взаимоотношений или, в широком смысле, обмена. Поскольку участники социального взаимодействия были включены в сложную систему деревенского родства, то они могли временно или постоянно состоять в отношениях родства искусственного и т.д., это должно было оказывать заметное влияние на характер происходивших в деревне ссор: возможность/ожидаемость их возникновения, образ их развития, способы примирения и т.д.» (с. 182).

Четвертая и пятая — самые короткие главы книги, потому что лишь пунктирно обозначают важные тематические акценты в изучении неформального крестьянского взаимодействия. В четвертой главе представлены «некоторые коммуникативные аспекты крестьянской ссоры», в частности их «регулярная особенность: конкретный предлог, с которого ссора начинается, сразу или постепенно отходит на второй план или совсем „забывается“, а вместо него возникает, на первый взгляд, совершенно не связанный с ситуацией пласт информации, вокруг которого и развертывается дальнейшее взаимодействие» (с. 186), т.е. совершается коммуникативная подмена. Высказываемые в ссоре обвинения могли относиться не только к ее непосредственным участникам, нередко были случаи «дискурсивного вовлечения третьих лиц», когда претензии начинали предъявляться к отсутствующим лицам, в первую очередь к кровным родственникам собеседника; часто ссора «цитировала», заново пересказывала предыдущие ссоры, актуализируя множество событий из семейной истории. Как иронично замечает автор, «припоминание неблагоприятных деталей совместного прошлого в ссорах бывает столь обильным, что размер таких текстов не позволяет цитировать их целиком или даже в сокра-

ценном виде» (с. 188), причем в ссорах ближайших соседей подробность и глубина «припоминания» прегрешений противоположной стороны могла быть особенно значительной (в силу хорошего знания друг друга на фоне отсутствия родственной солидарности).

«Область референции [ссоры] может значительно расширяться, захватывая все, что находится на памяти участников ссоры; воспроизводится и особым образом подается то, что можно назвать „отрицательным капиталом“ противника и его ближайшего окружения: „Бабы ругаются жесточайшим образом и чего только не наплетут в ссоре: называют друг дружку «паскудами», сволочами, б-дями, потаскушками, изложат биографию друг друга, начиная чуть не с младенчества, с мельчайшими подробностями; не позабудут упомянуть о неблагоприятных фактах из жизни матери, сестры, дочери и т.д.“» (с. 193). Лавинообразным в соседской ссоре было не только увеличение информации, но и вовлечение новых участников: «сбежались соседи посмотреть на камедь». Все это придавало соседской ссоре несколько театрализованной характер, поэтому она воспринималась как публичное зрелище, что отражено в ироническом обозначении ссор по названию церковных служб: «вечерняя, обедняя, заутренняя» (с. 198). Поразительным для внешних наблюдателей, но совершенно нормальным для крестьянской жизни было скорое и «незаметное» их окончание, причем внезапное примирение нередко случалось в момент кульминации ссоры.

Завершает четвертую главу суммирование значимых коммуникативных аспектов деревенской ссоры: изменение скорости речи; модификация форм обращения (в частности, могло исчезать обращение по имени); вариации от словесного и акционального обмена высокой интенсивности до полного прекращения взаимодействия между участниками; актуализация особой коммуникативной компетенции, которая обретала специфические функции (сквернословие, ругань, инвективы). «В целом элементами плана выражения ссоры потенциально могут стать самые разнообразные „языки“ и параречевые явления — слезы, смех, истерика — и другие продукты „гниения языкового сообщения... из которых и складывается язык в действии“. В сочетании с особенностями содержательного плана ссоры (воспроизведением обширного контекста социального взаимодействия, экспликацией знания определенного типа, находящегося в коллективной памяти, актуализацией символически значимых для сообщества социальных кодов и пр.) создается особая информативная и семиотическая насыщенность ссоры» (с. 203).

В пятой главе «Гендерная проблематика крестьянских ссор» автор обозначает, как в их текстах «конструируется категория гендера», отмечая, что этнографические материалы того времени создавались в основном мужчинами. Фактически вся глава посвящена иллюстрации и подтверждению тезиса, что «репрезентация „мужского“ и „женского“ в текстах о крестьянской культуре в целом свидетельствует о существовании в ней достаточно жесткой гендерной иерархии. Подчиненное положение женщины осмысливается как „божественное“ установление, свидетельством чего служит, например, обширный корпус церковных текстов — от канонических до популярных» (с. 206). Более низкий статус женщины был зафиксирован и в официальном законодательстве, и в крестьянском обычном праве (например, существовал высочайший указ об освобождении женщин от телесных

указаний и вера крестьян в бесполезность наказания женщины — «баба глупа и не понимает, что делает»).

Гендерное измерение ссоры задавалось специфическими характеристиками деревенского пространства: приватные, семейные его стороны считались женскими, общественные, публичные — мужскими, что определяло «локализацию» ссор, т.е. «женскими» считались, повседневные конфликты в женском гендерном пространстве дома и двора (для женщин самым сильным было обвинение в распутстве), а «мужскими» — ссоры в публичном пространстве сельского схода или кабака (для мужчин самым тяжелым было обвинение в воровстве). Тем не менее, устойчивой была тенденция к гипертрофированию конфликтных свойств женского характера, злости и склонности к ссорам («вздорная/злая баба — причина всех бед», «все ссоры из-за баб», «комар пищит, а баба сплетничает» и т.д.). «Стереотип бабьей сварливости регулярно связывается и с представлением об иррациональности женской ссоры» («по пустякам»), которая при этом может приводить к катастрофическим последствиям: «начинаясь с мелочей, женские ссоры мало-помалу совершенно отправляют жизнь в семье». Представление о женщине как главной виновнице ссор и о женских ссорах как обусловленных индивидуальными особенностями или специфическими обстоятельствами приводило к выводу, что противостоять этим ссорам могут только «мудрость и трезвая рассудительность мужчин» (с. 213). Впрочем, «можно избежать гендерных стереотипов при анализе крестьянских ссор, если рассматривать характеристику пола как составляющую понятия „статус, занимаемый человеком в структуре семьи и/или деревни в целом“, в таком случае поведение человека в ситуации ссоры невозможно будет свести лишь к тому, мужчина это или женщина» (с. 220).

Заключительная глава книги посвящена разным формам «деревенского примирения: от семейного совета до волостного суда». Автор сразу предупреждает читателя, что делать однозначные выводы о типах крестьянского примирения сложно, потому что, помимо общего признания, что «всякая ссора красна мировой», варианты прекращения ссор были крайне разнообразны (быстрое, полное, частичное, имитационное и пр.), что заставляет считать примирение условным окончанием ссоры (это ее «промежуточный этап, маркирующий смену конфликтных практик» — с. 224) и смиряться с тем, что далеко не всегда крестьяне считали примирение достойным письменной фиксации (не записывались пустяковые дела и дела, оконченные примирением), нередко уничтожались и письменные записи жалоб сельскому начальству.

Не ставя перед собой «задачу реконструировать всю обычно-правовую систему разбора и разрешения крестьянских ссор», автор выделяет основные элементы примирения на каждом ее уровне (с. 226). Во-первых, была широко распространена практика саморегуляции ссор, когда поссорившиеся примирялись сами, не прибегая к помощи других лиц («свои люди, побранятся — сами и помирятся», «рассорившиеся супруги ночь переспят и помирятся», «муж с женой ругайся, а третий не мешайся»): так, «коррелятом представления о супружеских отношениях как о саморегулирующейся системе было официальное ограничение на примирение супругов извне, выражавшееся, например, в исключении дел о супружеских ссорах из компетенции суда» (с. 227); аналогично считалось невозможным

разбирать извне ссоры между родителями и детьми; внезапно примирялись мелкие публичные соседские ссоры. «Примирение внутри семьи является одной из иллюстраций принципа семейной солидарности, поскольку неспособность справиться с ссорой своими силами, когда „домовладыка, несмотря на всю необъятность своих прав, признавался невластным выразить свою волю и привести ее в исполнение“, воспринималась как позор. Да и сохранение личной или семейной репутации в глазах односельчан было одним из сдерживающих механизмов, предотвращавших вынесение части домашних ссор вовне» (с. 231).

Во-вторых, у сельского сообщества был целый арсенал способов регулирования конфликтов: примирение с участием сельского старосты (низшее деревенское начальство), который должен был склонять стороны к миру по делам об оскорблении, клевете, угрозах и пр.; разбор дела старостой, но при участии «добросовестных» (избирались на определенный срок за хорошее поведение и добрую нравственность); привлечение соседей (к разделу хозяйства, разбору повседневных ссор, в качестве свидетелей в судебных инстанциях); третейский суд (в качестве судей выступали несколько избранных крестьян, решение которых считалось окончательным); суд стариков (разбирал прежде всего супружеские ссоры, пытаясь предотвратить или сделать менее конфликтными разводы, а также раздел имущества между наследниками и семейные разделы); сельский сход (решение финансовых, хозяйственных, административных и других вопросов, совместно/одновременно с судом стариков разбор крестьянских ссор прежде всего конфликтных разделов, чтобы не допустить их передачу на уровень волостного суда). «Главным отличительным признаком перечисленных инстанций было то, что разбирательство... носило примирительный характер и, за редким исключением, не преследовало цели вынести окончательное решение, приговор» (с. 240).

Далее автор кратко характеризует деятельность формальных институтов судопроизводства, обращая преимущественно к их примирительной деятельности. Первой такой инстанцией был волостной суд, где нередко «оканчивались примирением дела по таким проступкам, по которым, по общему законодательству, примирение не допускается», например, о кражах. Свойственное волостным судам «крайнее разнообразие... при разрешении одних и тех же вопросов» (с. 242) приводило к тому, что достигнутое по решению суда примирение могло стать началом другой ссоры (хотя и с другими участниками, потому что взаимоотношения между поссорившимися в той или иной степени восстанавливались), т.е. конфликт не завершился, а принимал другую конфигурацию. Выше инстанций «семейно-волостного круга» находились уровни обычного судопроизводства, не имевшие сословной специфики (суд мировой, окружной и пр.), однако обращение в эти судебные инстанции крестьян было скорее исключением, чем правилом, и волостной суд обычно было последней ступенью рассмотрения деревенских конфликтов.

Традиционными практиками примирения, помимо вышеперечисленных, были заговоры («делегирование примирения третьей инстанции, обладающей нечеловеческой природой» — с. 250) и «примирение на вине»: совместная выпивка была и своеобразным закреплением достигнутого примирения, и символическим закреплением новых отношений между помирившимися («вино ставится для скрепления мира, для приведения его посредством водки в дело»), и платой за посредни-

ческие услуги по примирению, и способом достижения согласия (платой за примирительное разрешение дела). «Ссоры нередко и затевались только ради того, чтобы выпить „примирительное“... что, видимо, в определенной степени объясняет, почему крестьяне так легко ссорились и мирились вновь... Не исключено, что часть деревенских ссор, в первую очередь, соседских, на самом деле представляла собой лишь псевдоконфликт или даже сознательную имитацию» (с. 253—254). Впрочем, «примирительные» выпивки часто заканчивались ссорами и драками, возобновляя старые и провоцируя новые конфликты, поэтому роль кабака в деревне была двойственной: «с одной стороны, кабак был одним из традиционных мест для примирения («ну, кланяйся в ноги, и айда в кабак»), ...а с другой — именно там начинались многие ссоры... В кабаке „отменялись“ как многие повседневные конвенции поведения, так и нормы взаимодействия в соответствии с обычным правом... „В кабаке можно бить кого угодно... Кабак — такое место, где все разрешается и никакие безобразия не наказываются“» (с. 255).

Завершая краткий обзор очень содержательно насыщенного текста, следует отметить, что характерная особенность книги, выгодно отличающая ее от множества других, состоит в том, что автор на протяжении всего повествования подчеркивает, что его определения, трактовки, модели и пр. «не являются единственно возможными, однако их эвристическая ценность... достаточно велика» (с. 8); предлагая «модель крестьянской культуры, ...надеется, что анализ будет обладать достаточным эвристическим потенциалом, чтобы можно было использовать его для изучения других моделей» (с. 12), «что исследование подтверждает изначальный тезис о том, что, изучая ссору, мы в конечном итоге изучаем саму традиционную культуру» (с. 262) через ссору как «обладающий созидательным потенциалом механизм адаптации к периодическим статусным изменениям» (с. 263). Автор критически оценивает собственные изыскания, например, говоря о «несколько искусственном выделении ссоры как самостоятельного вида конфликта» (с. 9), что «предлагаемая модель описания ссоры — выделение тематических групп „семейная ссора“, „соседская ссора“ и „институт примирения“ — вероятно, не является единственной», однако такой подход «помогает поместить ссору в контекст предшествующих и последующих ей событий; ...позволяет выделить два типа ссор, условно называемых точечной и континуальной (первая начинается и заканчивается в пределах ограниченного, обозримого промежутка времени, вторая длится дольше и подразумевает разные формы конфликтного взаимодействия)» (с. 9), и «показать эвристический потенциал изучения повседневной ссоры для изучения крестьянской пореформенной культуры» (с. 264).

Содержательная многослойность книги является одновременно ее достоинством и ограничением. Несомненно, работа поразительно (для данного жанра) захватывающа, и когда автор приводит зарисовки из реальных крестьянских ссор, читается почти как приключенческий роман. Особую жизненность тексту придает щедрая россыпь пословиц, поговорок и элементов фольклорных текстов, которые наглядно демонстрируют, сколь неизменными на протяжении столетий остаются многие социальные, семейные и поколенческие проблемы, с которыми каждый из нас лично или через знакомых сталкивается в повседневности: «родня — собачья голодня»; «ешшо с свекром жить бы можно, а с свекровью не могу; кажись,

завтра темной ночью к родной маме убегу»; «огарки делят, и то не без драки» и т.п. В то же время в тексте столько тематических линий, что многие из них оказываются (для требовательного читателя) недостаточно развернуты или завершены. Собственно, о подобной многослойности автор предупреждает читателя заранее, во введении, когда определяет объект своего интереса, ссору, и «как особо насыщенный текст, обладающий повышенным экспликационным потенциалом», и «как выполняющую метаструктурную функцию по отношению к контексту взаимоотношений, в первую очередь к его негативно оцениваемым аспектам», и «как одну из ситуаций трансляции повседневного знания» и т.д. В этой книге, видимо, изоморфна своему предмету — той мозаичной и подвижной области социальной действительности, которая ловко ускользает от попыток ее исследовательской стандартизации и формализации, — повседневным практикам, которые, судя по выводам автора и иллюстрирующим их этнографическим зарисовкам из весьма отдаленного прошлого, и сегодня сохраняют свои прежние функциональные, структурные и содержательные элементы, что позволяет лучше понимать как нынешние неформальные паттерны повседневного взаимодействия, так и их исторические истоки.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-613-627

**QUARREL AS A 'MODEL' OF EVERYDAY LIFE:
INFORMAL PRACTICES OF RURAL RUSSIA
IN THE HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC PERSPECTIVE**

REVIEW OF THE BOOK: Kushkova A.N. *KREST' JANSKAJA SSORA: OPLYT IZUCHENIJA DEREVENSKOJ POVSEDNEVNOSTI: PO MATERIALAM EVROPEJSKOJ CHASTI ROSSII VTOROJ POLOVINY XIX — NACHALA XX VEKA* [PEASANT QUARREL: A STUDY OF RURAL EVERYDAY LIFE BASED ON THE DATA FROM EUROPEAN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo Universiteta v Sankt-Peterburge; 2016. 318 p.